

դիմապահը բարձր դնել — подложить подушку под голову — (փոխ) սուս խնամքով խաբել — в переносном смысле: обмануть доброжелательными словами.

Мы находим и такие смысловые сопоставления как:

Ազիզ — родной, редкий, дорогой, торжественный день; Ազրիզ — привыкший к сладкой жизни, миленький; Ազր — драгоценный камень, колесо телеги, источник ручья.

Многочисленны слова, приводимые в переносном смысле. Например, Աքրակրակ — аклоракрив — бой петухов — употребляется в переносном смысле и в отношении людей, когда ссора не серьезная (например: Ինչ էր Աքրակրակ ապրիս, «что вы деретесь, как петухи») Или: Ազգիս — лиса — Օգոստոսի ազգիս — Կորե — սաստիկ նիհարել է — Стал августовской лисой — ужасно похудел.

Таким образом, словарь выступает и как источник поэтического слова.

В словарь вошло, в частности, 600 фраз, 60 загадок, 58 проклятий.

Словарь имеет и этнографическую ценность. Вагаршапатская речь богата бытовыми, сельскохозяйственными, садоводческими, религиозными, обрядовыми словами (например, чур, аклатиз, арснакур, хнамакар, анг. и др.). Составитель описывает бытование слов.

В словаре получила выражение фонетическая специфика гярагского диалекта, в частности согласные: при (ворс — форс), հո — դ — ֆ — ր — ք.

Интересно, что составитель включил и заимствования: адаш — աճաճակից — тезка մտերիմ — близкий; абршум — մեռաքս — шелк ար — տարափոխիկ ցավ — заразная болезнь (կենդանիների մեջ ազար ա ընկել — среди животных заразная болезнь).

Таким образом, словарь дает также рекомендации по арменизации речи.

По подсчетам Ачаряна, в словаре поме-

щено 1130 турецких заимствований и их армянских эквивалентов. Здесь, вероятно, Навасардян следовал пуристической тенденции мхитаристов.

Армянская общественность по достоинству оценила словарь. Так, Гарегин Енгибарян писал, что словарь имеет «большое значение» для изучающих ашхарабар и ценен тем, что «большинство слов получили удовлетворительное объяснение», «во многих местах представлены примеры и стили»⁴. «Это для нас нечто новое и достойное подражания», — подчеркивал Енгибарян. — До сих пор мы имели очень мало словарей с провинциальным диалектом»⁵.

После опубликования V тома «Армянских народных сказок», в котором дается араратский диалект, анонимный автор статьи в «Нор-Дар» считает недостатком издания то, что Т. Навасардян в словаре отмечает только «растения», «деревья», «травы», и говорит о необходимости найти их соответствующие названия на латинском или русском языках. «Хотя это и трудная работа, — подчеркивает автор статьи, — однако ценность работы от этого значительно возросла бы»⁶.

Впрочем, из заметок, сделанных на черновике словаря, видно, что Т. Навасардян пытался при объяснении значения некоторых растений давать на латинском языке общепринятый научный термин. Например: арвацагик — подсолнух — Helianthus annuus; аве лук — овощ — гутех — дикое растение; бами — растение — Thebiscus esculantus; гетнахи дзор — Helianthus tuberosus, и т. д.

Разумеется, словарь Навасардяна не лишен недостатков, которые неизбежны для первой работы подобного рода, однако прав один из современников, который писал: «Данный словарь далек от научной цели, поскольку Тигран Навасардян, будучи трудолюбивым собирателем, и на этот раз, как всегда, дает сырой материал». Как бы то ни было в диалектологическом отношении, однако ценность словаря Т. Навасардяна для фольклористов-народоведов несомненна и непреходяща.

7. ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Т. НАВАСАРДЯНА В ОЦЕНКЕ СОВРЕМЕННОК

Публикации Т. Навасардяна, хотя и не сразу, обратили на себя внимание читателей. В периодической печати появилось около 20 рецензий на его издания. Многие рецензенты пожелали остаться неизвестными. Однако именно эти анонимные отклики и высказывания известных литераторов или ученых в совокупности представляют немалый интерес

с точки зрения истории армянской фольклористики.

Обращает на себя внимание то, что большинство рецензентов отмечают прежде всего исключительную преданность Навасардяна предпринятому делу, несмотря на его неблагоприятное материальное положение. Авторы статей, надо полагать, знали Нава-

сардяна и своими рецензиями старались помочь успеху столь ценного начинания. Об этом мы находим и прямые высказывания. Так, поэт Иоаннес Иоаннисиан отмечал, что хотя Навасардяном уже собрано значительное количество материалов, за два года вышла в свет «какая-то жалкая тетрадь в 30-40 страниц» и прямо призывал состоятельных армян, в частности богача Мелика Айвазяна, оказать материальную поддержку наметившемуся изданию. В то время это был испытанный прием, дабы заручиться поддержкой мецената. Иоаннисиан упрекает общественность и прессу: «Периодическая печать как всегда с благодарностью получила 2—3 экземпляра, разнесла по сторонам и тем самым дело кончилось. Никто не обратил внимания и никто не обмолвился словом о злополучном издании».

Выступление Иоаннисиана, очевидно, оказало определенное влияние. Неизвестно, откликнулись ли «состоятельные люди» на призыв помочь Навасардяну, однако литераторы, по всей вероятности, постарались публично оценить работу неумолимого собирателя и издателя. В своей рецензии Иоаннисиан также отметил, что у других наций не только имеются многотомные сборники народной словесности, но что по ним ведутся и научные исследования. М. В. Бархударян сравнивает армянских издателей сказок Г. Срвандзтянца и Т. Навасардяна с А. Афанасьевым и П. Рыбниковым, давая понять, что другие народы опередили армян и дело, начатое Навасардяном, не является «чуждечеством» и должно пользоваться в просвещенном обществе всеобщим признанием.

О научном значении опубликованных Т. Навасардяном материалов писали и другие рецензенты. На страницах газеты «Нор-Дар» прямо говорится, что эти публикации «служат весомым материалом для специалистов-филологов»². Эта идея нашла выражение еще в 1881 г., когда в журнале «Арагат» впервые было опубликовано несколько сказок, подготовленных Навасардяном. Редакция высказывала надежду, что эти тексты с удовольствием будут прочитаны сельскими читателями и послужат для ученых интересным материалом о прошлой жизни народа».

Таким образом, можно утверждать, что с самого начала Т. Навасардяну встретил понимание общественности, которая увидела в его публикациях важнейший источник для будущих поколений филологов и исследователей народной словесности. Отметим, что совершенно иным было положение предшественника Навасардяна Г. Срвандзтянца, явившегося начинателем издания западноармянских сказок в Константинополе. Тому пришлось преодолеть пренебрежительное отношение к народной словесности, столь характер-

ное вообще для народов, обладающих богатой письменностью, в том числе и армян.

Обстановка на Кавказе в 80-х гг. XIX в. была по многим причинам благоприятнее для дела собирания и издания народной словесности, чем в Турции. Субъективная трудность для Т. Навасардяна заключалась в том, что собирательскую деятельность развернул не филолог, уже известный своими трудами, а в сущности любитель, автодидакт, человек без высшего образования, без признанного положения в обществе. Поддержкой Навасардяну служили, пожалуй, его личные достижения, и здесь многое зависело от отношения общества к нему. Раньше, быть может, усилia недоучившегося гимназиста, его скитания по селам и беседы с крестьянами, его серьезное отношение к народной словесности могли бы вызвать лишь насмешки. Однако в 80-х гг. молодой энтузиаст Навасардяну, который, по образному выражению Раффи, «как деревни, скитался из деревни в деревню и был вхож во все слои народа», вызывал у просвещенных людей восхищение и благодарность за то, что «давал книжку для чтения нашим детям»³.

Тиграна Навасардяна можно считать армянским последователем А. Афанасьева. Он воспринимался как серьезный литератор, сочинитель книг для чтения, в особенности детских. Во взглядах Навасардяна проявилось культурное влияние европейской, а также русской науки и общественной мысли, педагогики. Достаточно бегло взглянуть на положение народоведческой науки в соседних странах—Турции и Иране (где общественное признание народного творчества стало проявляться гораздо позже, к середине XX в.), чтобы понять и глубже осмыслить то благотворное воздействие, которое исходило из России.

То, что в общей оценке начинания Т. Навасардяна звучали патристические нотки, видно из отклика в «Тифлисском листке»: «Будущий исследователь армянской народной литературы скажет спасибо Т. Навасардяну, спасшему от всепоглощающей силы времени массу памятников исчезающей, видоизменяющейся устной народной литературы. А в настоящем пусть пример Навасардяна послужит укором армянскому издательскому обществу, спящему на своих сновторных изданиях петербургской редакции»⁴. Таким образом давалось понять, что издающиеся в Москве и Петербурге армянские книги оторваны от действительных запросов армянской читающей публики в Тифлисе и в целом на Кавказе. Этот «укор» станет понятнее, если учесть, что записанное и издаваемое Нава-

сардяном было доступно и понятно самым широким, «необразованным» кругам читателей, тогда как издаваемые в российских столицах, как, впрочем, и во всех центрах армянской книжности, произведения еще печатались либо на грабаре, либо на новом литературном языке. Уже по этой причине они могли казаться «снотворными», в отличие от изданий фольклора, дешевых книжек Навасардяна, выходивших на разговорном, народном языке, приобщавших простых людей к грамоте и чтению. Нетрудно представить, что означало для простого крестьянина увидеть в печати произведения, хорошо ему знакомые — сказки, изречения, песни. Все это способствовало в конечном счете благородной цели повернуть народ «лицом к книге». Трудно переоценить демократизирующее, если не революционизирующее, значение такого нововведения. Возможно, что сам Навасардян и его рецензенты не давали себе отчета в этом. Но нам теперь, в совершенно других исторических условиях, ценность и значение подлинно народных книжек Навасардяна, понятнее. Общественное значение издания (и собирания) фольклора, особенно в специфических условиях существования армянского народа, еще подлежит исследованию. Это — задача историков. Во всяком случае, значение публикации народной словесности не исчерпывается чисто научным источниковедением и признанием ценности подобных материалов для истории филологии.

Научные соображения, высказанные современниками по случаю выхода в свет фольклорных публикаций Т. Навасардяна, представляют немалый интерес и с точки зрения истории фольклористики. Некоторые рецензенты обратили внимание Навасардяна на язык публикуемых текстов, на стиль в широком смысле слова. Анонимный рецензент хвалит Навасардяна за то, что он как собиратель остался верен языку народа, стилю и тем самым обогатил армянскую литературу⁶. Эта мысль очень важна. Дело в том, что предшественники Навасардяна, как литераторы и, по их разумению, всецело в интересах литературы, позволяли себе довольно свободно обрабатывать стиль и язык, приближая его к каноническим, литературным нормам. Что сохранение народного стиля и языка имеет литературную ценность — было своего рода открытием. Очень важно, что Навасардян нашел здесь поддержку. Любопытно, что знаменитый Афанасьев, начавший с бережного отношения к тексту и языку, был тоже демократическими рецензентами сбит с толку, и постепенно стал довольно свободно обрабатывать тексты.

Обозреватели стали признавать также заслуги Т. Навасардяна как лексикографа-диалектолога, призывая его, как издателя

сказок, сохранять местную специфику говора, на котором сказка была рассказана. М. Бархударян высказывает пожелание, чтобы Навасардян, издавая тексты на диалектах, снабжал отдельные, непонятные непосвященному читателю фразы пояснительными комментариями, «чем он еще более украсит начатое им прекрасное дело»⁷. Все это способствовало вдумчивому отношению к публикации фольклора, что свидетельствовало о достаточном научном уровне рецензентов.

Однако наука того времени не располагала еще средствами точной фиксации фонетических особенностей, к тому же Навасардян не был лингвистом и не со всеми диалектами был знаком в одинаковой мере. Так, один из рецензентов обратил внимание на неточность передачи особенностей говора крымских армян⁷.

Безусловно, заслуживает внимания мнение М. Абеяна, который отмечал, что «ценность... сборников нужно видеть в их материале». Выдающийся арменовед в дальнейшем сам пользовался этим материалом, считая его достоверным. Однако при жизни Т. Навасардяна его материалы не были даже описаны и классифицированы. Поэтому их оценка современниками могла носить лишь приблизительный, гипотетический характер. Тем не менее стоит обратить внимание на указание рецензента VII тома сказок М. Абеяна: «Записанная Навасардяном сказка «Չափանի բլուտ» («Гарраман блут») является вариантом сказки «Հովհաննիս» («Зульвиана») из сборника «Համը հոտով» («Амовотов») Г. Срвандзтянца, а также является вариантом сказки «Մովսիսը» («Цовинар»), опубликованной Камаляном. Эти сказки содержат в себе мифологические следы о божественности молнии, которая лучше проявляется в сказке «Մովսիսը» («Цовинар»), а сказки «Հովհաննիս» («Зульвиана»), «Չափանի բլուտ» («Гарраман блут») еще более проясняют и дополняют их»⁸.

Здесь проявляется, наряду с поиском мифологических мотивов, понимание вариативности вообще и намечается для армянских сказок исследовательский путь, ведущий к сравнению вариантов с целью выяснения истории сюжета.

Т. Навасардян становится в восточноармянской действительности крупным деятелем, таким же, как Г. Срвандзтянц среди западных армян. И совершенно прав был Макаревардапет Бархударян, когда писал: «Вероятно, в ближайшем будущем Срвандзтянц и Навасардян, Навасардян и Срвандзтянц всегда будут упоминаться безраздельно друг от друга, упоминаться потому, что оба эти прилежных и верных труженика, понимая большое значение народных песен, традиций

и сказок, преодолевая всякие трудности и преграды, достигнут своей цели»⁹.

Рассмотрев высказывания современников в периодических изданиях в связи с выходом в свет публикаций Т. Навасардяна, мы пришли к выводу, что начинание его, встретив понимание, способствовало развертыванию деятельности собирателей и издателей. Следует полагать, что это было обусловлено не личностью Навасардяна (хотя и это имело немалое значение) и не личной благожелательностью рецензентов,—сказались зрелость общественной мысли армянского просвещенного общества на Кавказе и широко признанные успехи фольклорных изданий у других народов, в частности в Германии (например, сборник братьев Гримм) и в России. Нельзя упускать из виду, что еще в середине XIX в. на русском языке публиковались фольклорные материалы, преимущественно сказки народов Кавказа. Это дало сильный толчок развертыванию собирательства среди грузинской интеллигенции, а также у малых народов края. Естественно, та-

кая обстановка не могла не стимулировать дело собирания фольклора, в частности сказок, также у армян. Подобное движение было обусловлено исторически. В личности Т. Навасардяна назревшая потребность нашла активного, преданного реализатора. Уже здесь, как мы убедились, даже недостатки Навасардяна—отсутствие специального образования, эмпиризм и некоторая хаотичность подачи материала—оказались, в конечном счете, достоинствами, ибо благодаря этому записи и публикации сохранили достоверность, являющуюся первейшим мерилом качества фольклорных материалов. Эти материалы благодаря преданности Навасардяна своему делу сохранили для нас весьма ценную картину бытования народной словесности, характерную для широкого ареала в переломный период. Только теперь коллекция Т. Навасардяна, по мнению И. Г. Левина, может быть осмыслена и оценена по достоинству, как исторический источник уже ушедшей в прошлое «современности», народной жизни второй половины XIX в. периода, менее всего интересовавшего романтических собирателей, думавших более об отдаленных временах.

8. НАСЛЕДИЕ

После смерти Тиграна Навасардяна в 1927 г. были приложены большие усилия, чтобы собрать его рукописи и биографические материалы о нем для передачи в архив. Известный этнограф Е. Лалаян пишет письмо Баграту Навасардяну с просьбой заняться наследием его племянника:

«Քանկազին բարեկամ, Մեծարգո բժշկապետ. Գալիս եմ բաժանելու ազգագրության ուսման կենտրոնին Տիգրան Նավասարդյանի մատուցած Զեռ զգացած վնասը: Գիտեմ, որ Զեռ ներշնչմամբ հանգրոցյալն ընտրել է հայ բանաստեղծության նվիրվելու ուղին և այդ ապարհեղում հավերժացրեց նա իրեն: Արախն նրանից, որ նրա լուսանկարը և կենսագրության նյութերը ուղարկեք ինձ՝ Բանաստեղծության ազգագրության բաժնում փակելու, որպեսզի մի օր՝ ազգագրության պատմության գրքերը կարողանաք լիովին օգտվել:» («Дорогой друг, многоуважаемый доктор! Разделяю с Вами скорбь по поводу кончины одного из пионеров этнографии—Тиграна Навасардяна. Знаю, что благодаря Вашему вдохновению он выбрал путь собирания армянского фольклора и увековечил себя в этой области. Был бы рад, если бы Вы прислали мне его фотографии и биографические материалы для хранения в Отделе этнографии Музея, что-

бы тот, кто однажды напишет историю этнографии, смог бы полноценно воспользоваться этим»).

Б. Навасардян приводит в порядок рукописи Тиграна и отдает также этюды «Мои воспоминания», «Мои тюрьмы»,—результат первых, наивных проб пера своего восторженного племянника. Архив Тиграна Навасардяна, преимущественно фольклорный, сохранил и передал Отделу фольклора ИАЭ Армянской ССР Е. Тер-Минасян.

Рукописное наследие Т. Навасардяна, образуя персональный фонд (ФВ1), вошло в состав фольклорного хранения и подверглось подробному аналитическому документированию по единой системе. Учет этого архива и его каталогизация проводилась при помощи ЭВМ. Материалы будут публиковаться в Своде армянского фольклора на общих началах. О степени сохранности документов дает представление нижеследующая таблица:

Как видно из табл. 10, значительная часть рукописей (вследствие качества бумаги, карандашей и т. п.) находится в состоянии, требующем скорейшего использования.

В течение полувека материалы, собранные и даже изданные Т. Навасардяном, нашли применение в различных исследованиях, антологиях.